

Ewa Pańkowska

Instytut Filologii Wschodniosłowiańskiej

Uniwersytet w Białymstoku

МЕЖДУ ПОСТМОДЕРНИЗМОМ
И «НОВЫМ РЕАЛИЗМОМ»: ЛЕЙТМОТИВЫ
В ИЗБРАННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
ВИКТОРА ПЕЛЕВИНА И ЗАХАРА ПРИЛЕПИНА

Key words: freedom, escape, Buddhism, cruelty-violence, rebel

Эстетический плюрализм, воздействие друг на друга и скрещивание различных направлений и течений, появление пограничных зон и новых художественных феноменов, тенденция к межжанровости и полижанровости, плюрализм языков, моделей, методов, причем в одном произведении – это, несомненно, характерные приметы развития современной русской литературы [Скоропанова 2014]. Таким образом, «духом времени» может быть названо именно явление взаимопроникновения и преодоления замкнутости отдельных направлений, и в итоге возникновение своего рода «литературной радуги» [Иванова 2007], живого, но небесконфликтного, диалога писательских поколений и индивидуальностей, в котором наблюдаем разнообразие, разнородность художественных инициатив.

Как заметил критик и литературовед Сергей Чупринин: «и реализм, и натурализм, и концептуализм, и постмодернизм, и другие *измы* рассыпались на писательские индивидуальности. (...) Частное возвысилось над общим... Книги стали важнее и интереснее тенденций» [Чупринин 1997, 207]. Писательские индивидуальности наделены правом самореализации, возможностью в той или иной степени путем собственных творческих поисков и усилий воздействовать на ход литературного развития, не принося присяги верности какому-либо направлению, группе, школе [Современная русская литература конца XX – начала XXI века 2011, 19].

Из числа самых ярких, самых популярных (не только в России, но и за ее пределами), самых обсуждаемых современных писательских индивидуальностей мы выбрали Захара Прилепина, представителя «нового реализма», и Виктора Пелевина, которого исследователи чаще всего относят к постмодернистскому направлению,

хотя необходимо подчеркнуть, что в целом творчество этого прозаика с трудом поддается классификации [Некрасов 1999, 67]. Литературоведы указывают также на «пристрастие» Пелевина к фантастическому реализму, связь с «киберпанковским стилем», с интернетовской сетлитературой, сюрреализмом, постреализмом (синкретическим образованием, включающим реалистическую и постмодернистскую традицию), что только подтверждает вышеупомянутый тезис об эпохе литературной эклектики.

Объектом данного исследования является художественная стратегия именно этих авторов, так как, по нашему мнению, несмотря на многие расхождения в эстетическом и идеологическом планах, совершенно другой писательский стиль, между литераторами намечаются некоторые параллели. Их соединяет, например, восприимчивость к проблемам современной России и ее жителей, а также наличие героя, который не принимает сложившийся за окном мир («постсоветский порядок», политическую систему). Цель нашей работы заключается в выявлении на материале романа Пелевина *Чапаяв и Пустота* (1996) и романа Прилепина *Санька* (2006) основных черт созданных писателями мужских персонажей. Пелевинского героя условно предлагаем назвать «правдоискателем-беглецом», а Прилепинского – «воином-действителем». В настоящей статье мы сосредоточим внимание на важных в творчестве писателей мотивах¹: у Пелевина это – «плен ума»-свобода, у Прилепина – насилие-жертвенность.

Пелевин, несомненно, является одной из ключевых фигур современной российской словесности. Автор-невидимка², мистификатор, посеявший сомнения в реальности собственного существования, культовый писатель, «фантазирующий летописец» постсоветской эпохи³, один из самых рафинированных интеллектуалов современности, публицист, философ, зеркало русской литературной традиции – это лишь некоторые характеристики, определяющие статус и место прозаика в современной культуре [Переслегина 2011, 504].

Критики-законодатели сразу отнесли творчество Пелевина к промежуточной зоне между массовой и „настоящей” литературой [Сушилина 2001]. Многие упрекают писателя в упрощенности текстов, рассчитанных, по их мнению, исключительно на нетребовательного «потребителя» [Сиротин 2012], подчеркивая при этом, что Пелевина совсем не интересуют нравственные вопросы, и в результате

¹ Следует добавить, что в контекст произведений обоих авторов органически вписан образ дороги-пути, столь характерный для русской литературы. Это символ, вобравший в себя множество значений: жизни, судьбы, смерти, поиска истины, поиска идентичности как отдельной личности, так и национальной идентичности [Прохорова 2013, 197].

² Несмотря на большие тиражи и культовый статус, факты биографии и характер Пелевина практически никому не известны, так как писатель воздерживается от контактов с прессой.

³ Произведения Пелевина являются своеобразным источником сведений о современной России и ее жителях, а в более широком плане о современном мире. В них содержится постмодернистский комментарий к важнейшим событиям постсоветской России: Пелевин намекает, например, на: штурм Белого дома в октябре 1993 г. (это событие расценивается как попытка России двинуться по западному пути развития), августовский кризис 1998 г., усиление роли ФСБ в бизнесе в 2000–2002 годах, протестные выступления 2011–2012.

он создает нечто «хулиганское», «наплевательское», очень легкое и свободное [Гетманский 2014]. Другие исследователи, в свою очередь, назвали писателя «русским Борхесом» [Генис 1994], для некоторых Пелевин оказался единственным, кто мог претендовать на роль своеобразного наследника Гоголя и Булгакова [Берхин 2014], преемника линии социальной сатиры. Таким образом, открытым до сих пор остается вопрос, кто Пелевин на самом деле – талантливый писатель-мыслитель или хитроумный «шарлатан» [Гурин 2014], неутомимый литературный работник, «бестселлермахер-ремесленник» [Немзер 2014], которому все время успешно удается подогревать интерес читателей.

«Пелевин, конечно, учитывает запросы массового читателя, использует тематический материал и технику популярной, массовой культуры⁴, но одновременно интертекстуальностью, полидискурсивным характером своей прозы⁵ апеллирует к самой искушенной аудитории⁶. Писателю в какой-то степени удалось, согласно основным предпосылкам постмодернизма⁷, снять извечную оппозицию между высокой, элитарной и массовой, развлекательной литературами. Как справедливо замечает исследователь новейшей русской литературной эпохи, Михаил Эпштейн: Пелевин – это не массовая и не элитарная литература, а литература взаимного подстрекательства массы и элиты. Благодаря Пелевину происходят чудеса социально-психологической трансмутации: массовый читатель чувствует себя удостоенным элитарных почестей, посвященным в намеки и перемиги избранных, – а элитарный читатель присоединяется к массам, жаждущим чуда и откровения, пусть даже в самой дешевой или нарочито удешевленной упаковке (чем дешевле упаковка, тем по контрасту драгоценнее содержимое)» [Эпштейн 2004].

Особую роль играют в текстах Пелевина формы художественной условности, приемы сатиры, гротеска и пародии, ирония (чаще всего сатирическая), гипербола⁸. Литературовед Ванда Супа указывает, что в произведениях писателя налицо примеры комической абсурдизации действительности и философской мысли из разных систем. Уместно здесь подчеркнуть, что у Пелевина абсурд становится неизменным

⁴ Например, в романе *Священная книга оборотня* (2004) Пелевин использует мотив вервольфа, один из наиболее распространенных мотивов в голливудском кино. Одновременно Пелевинские оборотни существенно отличаются от аналогичных киноперсонажей. Это не опасные, безжалостные хищники, они намного умнее людей. В романе это люди представлены примитивными существами, наделенными порой избыточной и ничем не оправданной склонностью к насилию.

⁵ Творческий метод Пелевина соединяет в себе художественность, философичность, социологизм.

⁶ См.: «Двойное кодирование» [Ильин 2001].

⁷ Одним из первых программных манифестов постмодернизма считается статья Лесли Фидлера *Пересекайте границы, засыпайте рвы*, опубликованную впервые в декабре 1969 года в журнале «Плейбой».

⁸ Для произведений писателя характерен своеобразный колеблющийся градус серьезности. Сергей Корнев определил это как «игру на грани стеба», то есть когда остроумно, но парадоксально, когда не ясно, говорят ли это всерьез, или это издевательство, пародия или даже пародия на пародию, или проповедь идеи под видом издевательства над ней. Таким образом, читатель вынужден мобилизовать все свои интеллектуальные ресурсы, чтобы хотя в некоторой степени понять, что имел в виду автор, и самостоятельно оценить серьезность и значимость высказываемых автором мнений [Корнев 2014, *Столкновение пустот...*].

свойством и элементом повседневного мира: и пропитанной фальшью советской реальности, и постсоветской с вездесущей рекламой, содержание которой ни в коем случае нельзя соотносить с правдой, нравственностью, духовными ценностями [Supra 2011, 124–125].

Пелевин недоволен властью, той, что есть, той, что была и, наверное, той, что будет. Соответственно, в его произведениях мы найдем критику советской власти и сатиру на ушедшую эпоху, критику существующего строя и сатиру на героев современной российской политической сцены⁹, а присутствующий в произведениях Пелевина фантастический элемент открывает большие возможности для сравнительно безболезненного (в литературном смысле) внедрения в текст актуального политического «мессиджа» [Иванова 2006]. Например, в романе *Священная книга оборотня* ситуацию в России метко комментирует мифическое существо – лиса-женщина А Хули:

«Реформы (...) идут здесь постоянно. (...) Их суть сводится к тому, чтобы из всех возможных вариантов будущего с большим опозданием выбрать самый пошлый. Каждый раз реформы начинаются с заявления, что рыба гниет с головы, затем реформаторы съедают здоровое тело, а гнилая голова плывет дальше. Поэтому все, что было гнилого при Иване Грозном, до сих пор живо, а все, что было здорового пять лет назад, уже сожрано» [Пелевин 2004, 102].

Ярчайшими приметами творчества прозаика являются, типичные для постмодернистского письма, игровой характер, интертекстуальность, монтаж несопоставимых дискурсов, но одновременно в его текстах содержится учительность – черта русской классической литературы. Эти элементы синтеза свидетельствуют о поиске автором новых путей, противоположных деконструкции постмодернизма. «Учительность» прозы Пелевина прежде всего связана с буддизмом. Писатель гармонично вводит в свои произведения буддистский дискурс и обращается к буддистскому пониманию свободы – свободы ума, которая обозначает полное освобождение от любых обусловленностей, любых субъективных эмоциональных и психологических предвзятостей. Пелевин пытается привести читателя к мысли о том, что из жизненного тупика, в котором оказался современный человек¹⁰, все-таки есть выход. Согласно концепции прозаика, этот выход заключается именно в освобождении от рационализма и интуитивном проникновении в природу вещей, другими словами, в духовном развитии и внутреннем просветлении (самопознании), которое в дзен-буддизме называется «сатори» [Дитковская 2010]. Следует подчеркнуть, что во многих работах Пелевина центральной является именно эта идея освобождения сознания и достижения героями высшего уровня развития своего Эго, т.е. этапа, на котором они в состоянии понять и выразить себя [Макеева 2014].

⁹ Политизированность, столь несвойственную западному постмодерну, можно отнести к отличительным особенностям постмодернизма в России [Маньковская 2000].

¹⁰ В текстах Пелевина мы найдем сатиру на современное общество потребления, обличение торжества материалистичности над духовностью.

Для того, чтобы обрести просветление (постичь истинную сторону вещей), Пелевинский герой выбирает «уход-исчезновение» – путь деконструкции привычных представлений о мире и человеке. Условно его можно назвать «ушельцем» (или «беглецом»), так как он декларирует полный отказ от участия в жизни общества. Он любой ценой стремится вырваться из плена социальных условностей и форм и одновременно прорваться к основным законам, которые скрыты за ликом материального мира. Мы имеем дело со своеобразным духовным эскапизмом – бегством от жизни, отказом от ложной видимости (в поисках истины), попыткой освободиться от чужих иллюзий¹¹ [Макеева, Нагорная].

Одной из форм эскапизма является бегство в болезнь, т.е. «спасение» в безумии от еще более безумного мира [Лихина 1997]. Такой «побег» совершает, например, заглавный герой романа *Чапаев и Пустота* (1996). В потоке продолжающихся социальных, исторических катаклизмов¹² герою не удастся найти свое настоящее «я» [Шевченко 2002, 256]. Интеллигент, художник (поэт), Петр Пустота, недоволен окружающим миром – «новорусским периодом», и поэтому бежит от фантома первоначального накопления капитала¹³. Сначала молодой человек бежит в психбольницу (Петр страдает раздвоением личности и в бреду считает себя комиссаром легендарного Чапаева¹⁴), а потом в некое метафизическое пространство – во Внутреннюю Монголию (в другое измерение)¹⁵, где обретает последнюю свободу, сходную с буддистским освобождением от пут материального мира и бремени личности [Липовецкий 2008, 419]. Пелевинский герой в силу склада своего ума, склонности к рефлексии становится как будто «лишним», он не «стадный», не массовый, наоборот – он личность-исключение из своего поколения [Иванова 2014], так как сопротивляется массовизации и унификации, «борется» со стереотипами массового сознания, навязываемыми индивидууму масс-культурой. Пелевин создает образ нестандартной личности, по словам литературоведа Дарьи Зарубиной, «куль-

¹¹ Устойчивыми для пелевинского художественного мира компонентами оказываются буддистский тезис „мир – это только мое впечатление” и мотив симулятивной природы реальности. Писатель указывает, что человеку часто это „впечатление мира” навязывают, заменяют его чужим, а человек этого не осознает [Макеева 2014]. Понятие реальности у Пелевина множится: во-первых, это реальность будничная, имеющая симулятивный характер (автор обращается также к понятиям „гиперреальности” или „сверхреальности”, которую воспроизводят телевидение, реклама), во-вторых, реальность потусторонняя, тоже иллюзорная и галлюцинозная по сути, в-третьих, единственно подлинная внутренняя реальность индивидуального сознания [Нагорная 2007].

¹² В романе представлена Россия переломных эпох: 1918–1919-й и 1990-е годы. Изображены времена, когда жизнь утрачивает свои гармоничные законы, когда во всем царствует исключительно хаос.

¹³ Петр не принимает борьбу за деньги или социальный статус как цель своей жизни. Он не хочет стать «новым русским» (бизнесменом, членом общества «духовной пустоты»), поэтому вместо «неподлинного» существования в рамках общественной структуры, гарантирующего деньги, комфорт, он выбирает «подлинное» существование вне ее: самопознание и умение жить собственной жизнью, которая обладает внутренним смыслом, а не связана с внешней целью, подсказанной другими [Корнев 2014, *Блостители дихотомий...*].

¹⁴ Пелевинский Чапаев – мудрец, гуру, учитель духовного освобождения. Имя легендарного командира «фаршируется» новыми смыслами.

¹⁵ Это можно сопоставить с достижением полноты и гармонии собственного существования, т.е. с вхождением в состояние Нирваны.

турно одаренной» личности, находящейся в состоянии выбора между культурой и цивилизацией, т.е. между духовностью, свободой, чувством, уникальностью¹⁶ и модой, стремлением к комфорту, к всеобщему равенству, доходившему до утраты личностных особенностей [Зарубина 2007]. Пелевин в своих произведениях возражает против всякого рода средств и способов манипулирования сознанием, против порабощения и превращения человека в пустую оболочку без идентичности¹⁷. Он критикует и современного человека-потребителя, который без сопротивления подчиняется «рекламно-телевизионной магии». Главный герой романа *S.N.U.F.F.* (2011), Демьян-Ландульф Дамилола Карпов замечает: «я [...] просто свободный неангажированный человек, привыкший обо всем на свете думать своей собственной головой» [Пелевин 2011]. Это предложение можно считать сжатой характеристикой «положительных» Пелевинских героев-беглецов, индивидуалистов¹⁸.

Захар Прилепин: писатель, журналист, политик, общественный деятель, телеведущий, актер, музыкант – фигура на российском литературном небосклоне заметная¹⁹ и противоречивая. Его прозу высоко оценивают читатели, критики [Бондаренко 2004], но и коллеги-писатели²⁰. Резкая критика современной российской власти (открытая антипутинская позиция), выраженная Прилепиным как в публицистике, так и в художественных текстах²¹, сначала сделала его кумиром многих россиян, но в дальнейшем демонстративный антилиберализм писателя настроил против него либеральную общественность.

Как подчеркивает сам автор: «люди чувствуют отсутствие позы, игры, и это влияет на успех моих книг»²². Своим первым романом *Патологии* (2004), написанным на материале чеченской войны, Прилепин действительно заявил о себе не как писатель-интеллектуал, щедрый на вымысел, экспериментирующий

¹⁶ Как констатирует филолог и критик Марк Липовецкий, Пелевин с самых ранних текстов исследует именно индивидуализированные или стремящиеся к личностному самоопределению сознания [Липовецкий 2008, 420].

¹⁷ Отсюда внимание писателя к разным формам зомбирования сознания: к феномену идеологии, рекламы, возможностям компьютерных технологий [Скоропанова 2002, 433.]

¹⁸ Совершенно другой жизненный путь выбирает герой романа *Generation 'П'* (1999) Вавилен Татарский, литератор, который в постсоветскую эпоху превращается в «криэйтора» рекламных текстов и концепций. Он не «беглец», наоборот, он целиком и полностью принадлежит российской реальности конца XX века. Пелевин доказывает, что это ложный выход. Татарский проходит путь возвышения до главы некоего тайного ордена Гильдии Халдеев, поставляющей России симулятивную реальность (мир телевизионных фикций), но в конечном счете его самого замещают таким же симулякром – массмедийным продуктом.

¹⁹ В отличие от Пелевина Прилепин стал одной из основных медийных фигур в современной литературе: он легко находит контакт с собеседником, охотно дает интервью, лицо писателя появляется на телеэкранах, во всевозможных глянцевого изданиях, в фотосессиях для журналов того же рода [Гликман 2011].

²⁰ На интернет-сайте Прилепина помещены позитивные, а иногда даже восторженные отзывы о его творчестве литераторов противоположных эстетических и идеологических конфессий, в том числе и Пелевина.

²¹ Прилепин неразделимо соединяет литературное творчество с позицией политического протеста [Липовецкий 2012].

²² «Вы все будете меня ненавидеть, а я напишу такие книги, что не признать меня вы не сможете». Интервью с Захаром Прилепиным.

и играющий со словом²³ (отвергая тем самым постмодернистские стратегии), но во-первых как очевидец (автор принимал участие в боевых действиях в Чечне и в 1996-м и 1999-м годах), рассказывающий о «правде жизни», во-вторых как писатель из народа – человек «из глубинки» [Латынина 2007]. Прилепин ориентируется на эстетику традиционного «критического реализма»²⁴, использует также некоторые приемы коммерческой, массовой культуры. Например, в романе *Санька* (2006) при изображении «революционного экшна», т.е. сцены расправы современных революционеров с политическими противниками, революционно-романтическая взволнованность стиля сочетается со стилистикой голливудского боевика [Костырко 2006]. В романе *Черная обезьяна* (2011), в свою очередь, писатель прибегает к элементам фантастики и гротеска. Он включает в произведение вымышленно-историческую новеллу об армии детей-убийцев, которая штурмом берет условный средневековый город. Никто не в состоянии противостоять этим малолетним жестоким существам, не знающим ни жалости, ни страха смерти [Басинский 2011]. Вообще мир, описываемый в этом романе, отвратителен: грязь, пьянство, запустение, бедность, одичание, полное равнодушие к чужой боли и вездесущая жестокость [Латынина 2011], повседневное насилие. Этот мир как будто заражен насилием, как будто зверское насилие становится или, к сожалению, уже является социальной нормой, вписанной в «народный» быт.

Мотив жестокости и насилия является очень важным в творчестве Прилепина. В романе *Патологии* писатель изображает будничность войны и пытается объяснить механизм взаимной жестокости, жестокости обеих сражающихся сторон, причем жестокости, иногда совершенно неоправданной. Прилепин наглядно показывает, как насилие умножает насилие, как атмосфера страха и стремление выжить любой ценой ведет к озверению людей, а в итоге – и к военным преступлениям (бессудным расстрелам) [Латынина 2011].

Сценами насилия переполнен также роман *Санька*. Его сюжет связан с деятельностью участников леворадикальной молодежной организации «Союз созидателей». Вопреки названию, деятельность «союзников» носит не столько созидательный, сколько откровенно экстремистский, разрушительный характер. «Союзники» ненавидят всех, кто в России представляет «лживую» власть, всех, кто служит «гадкому, нечестному, неумному»²⁵ государству [Прохорова 2013,

²³ Каламбуры, игра слов, литературные ребусы – это неотъемлемая часть пелевинского повествования. Писатель работает с языком, в котором разнообразные, иногда чужеродные, дискурсы смешались неразделимо и соединились в «чудовищные» гибридные конструкции, например: теологическая беседа на жаргоне уголовников в романе *Чапаев и Пустота*. [Липовецкий 2008, 412].

²⁴ Произведения Прилепина непосредственно отсылают к литературе XIX/XX веков (напр., к творчеству Ф. Достоевского, Л. Толстого, М. Горького, А. Солженицына). Как замечает А. Латынина, писателю не только слово «реализм» нравится, но он и ничего не имеет против «социалистического реализма». «Это моя литература, (...) она мне близка и понятна. Я вообще советский человек по большому счету» [Латынина 2007].

²⁵ Главный герой романа рассуждает: «Гадкое, нечестное и неумное государство, умерщвляющее слабых, давшее свободу подлым и пошлым, – отчего было терпеть его? К чему было жить в нем, ежеминутно предающем самое себя и каждого своего гражданина?» [Прилепин 2006].

196–197]. «Союзники» стремятся совершить «справедливую» революцию и дать счастье «простому народу». В *Саньке* Прилепин создает социально-психологический тип современного молодого бунтаря, революционера, ненавидящего мир социальной несправедливости: существующий строй, общество потребления с его социальным расслоением²⁶. Главный герой романа, Александр Тишин вместе со своими друзьями-«союзниками»²⁷ борется с лицемерием, подлостью действующей власти²⁸, с одной стороны, и с общественной апатией, с «погруженными в спячку» оппонентами-интеллектуалами – с другой. Осознание морального превосходства над «людьми власти» и полная, бескомпромиссная уверенность в собственной правоте (правоте, которая не требует доказательств)²⁹ дают Тишину и его соратникам ощущение права на действие и на применение жестокости как реакции на несправедливое насилие со стороны стражей государства (милиции, представителей органов безопасности)³⁰. Однако постепенно Саша как будто запутывается и в своих взглядах, и в «борьбе за справедливость». Молодой человек начинает превращаться, в сущности, в преступника, готового грабить, разрушать и даже убивать за идею. Необходимо при этом подчеркнуть, что в герое есть немало детского: нешуточная взрослая ожесточенность сочетается в нем с детской неготовностью видеть последствия совершаемых им поступков и детской верой в чудо сильной руки командира-революционера («современного Чапаева»), который одним своим появлением заставил бы врага в страхе бежать и тем самым освободил бы Россию, восстановил справедливость [Прохорова 2013, 197–198]. Можно констатировать, что поведение Тишина пропитано «разрушительным патриотизмом»³¹, но прежде всего стремлением к гибели и желанием доказать себе и другим, что он готов принять страдания³² и смерть. Складывается впечатление, что идеалом этого борца за социальную справедливость является не победа, не новое, справедливое общество,

²⁶ Действие романа происходит в начале 2000-х годов.

²⁷ Следует заметить, что герой Прилепина во многом автобиографичный, обладающий прилепинским опытом, выражающий авторские взгляды. Писатель не затушевывает, а наоборот подчеркивает, например, что прототипом для «Союза созидателей» послужила запрещенная в России Национал-большевистская партия Эдуарда Лимонова, а сам Прилепин состоял в этой партии [Костырко 2006].

²⁸ Государство и органы власти воспринимаются Сашей как бесовская злая сила, от которой Россию любой ценой надо освободить [Прохорова 2013, 198].

²⁹ Тишин заявляет: «Ни почва, ни победа, ни справедливость – ничто из перечисленного не нуждается в идеологии (...). Все, что есть в мире насущного, – все это не требует доказательств и обоснований. Сейчас насущно одно – передел страны, передел мира – в нашу пользу, потому что мы лучше» [Прилепин 2006].

³⁰ Саша уверен, что спасти Россию и вернуть ей чувство собственного (национального) достоинства и справедливость способна лишь новая революция, а ведь революция не обходится без крови, без жертв, без насилия. Поведение и взгляды Саши вызывают некоторые ассоциации с мыслью Раскольникова о великой цели, оправдывающей любые средства [Сухих 2008, 293, 295, 296].

³¹ Это жажда разрушения всего, что ассоциируется с властью, правительством, нечестным государством. «Союзники» бьют витрины дорогих магазинов крушат «макдональдсы», поджигают автомобили.

³² Саша готов пожертвовать своим телом и своей душой. Он вполне отдает себе отчет в том, что готовность пролить чужую кровь делает его «проклятым», но ради родины он на это готов [Сухих 2008, 294]. Духовная опустошенность героя представлена Прилепиным как закономерная жертва – неопровержимое доказательство любви к России.

а борьба и героическая смерть³³. Он сознательно выбирает путь самоуничтожения ради демонстрации протеста и ищет героической смерти. В Прилепинском революционере сочетаются присущие молодости максимализм, любовь к крайностям, мятежное, анархическое начало, стихийность [Прохорова 2013, 197–198]. Именно поэтому бунт становится для него формой существования, вне бунта он как будто не может жить [Беляков 2006]. Идеология Прилепинского «воина» располагается на уровне инстинктов, эмоций, а не сознания [Липовецкий 2012]: «В наше время идеологичны... инстинкты! Моторика! Интеллектуальное менторство устарело, исчезло безвозвратно» [Прилепин 2006]. Прилепинский бунтарь выбирает тактику своеобразного «бездумья»³⁴, так как она избавляет личность от мук сомнения, от труда и голода выяснения [Пустовая 2009], заглушает противоречащий доводам разума и ненависти «голос сердца» [Сухих 2008, 294], зато предоставляет такие стимулы к действию, которые не требуют никаких обоснований [Пустовая 2009].

Как замечает М. Липовецкий, в *Саньке* насилию Прилепиным придается дополнительное значение. Насилие становится самым сильным, болезненным, страшным, но необходимым проявлением витальности. С такой точки зрения понятно, что желание участвовать в стихии разрушения, которым горят «союзники», является главным доказательством их жизнеспособности, активности. Герои увлекают необычной энергией, силой своей натуры, но одновременно отталкивают проявлениями этой силы [Гликман 2011]. Используемые «союзниками» «насильственные приемы» сопротивления власти ничем не отличаются от приемов органов той же власти. В «сражении» обе стороны отличаются жестокостью – здесь не действуют ни сдерживающая сила закона, ни нравственные барьеры: порядочность, милосердие, сострадание [Прохорова 2013, 197]. В итоге «трудно увидеть принципиальное различие во „властной ментальности“ нынешних и будущих „хозяев страны“» [Костырко 2006], и это, конечно, настораживает. Национализм и расизм «союзников», их подозрительность, даже пренебрежение к интеллектуальному миру, культ героизма, непосредственно связанный с культом жертвенности и смерти, тоже вызывают обоснованные опасения.

В заключение можно констатировать, что спорность тем, которые затрагивают и Пелевин, и Прилепин, используемые ими литературные стратегии, высказываемые взгляды – все это дает возможность диаметрально различного подхода к их творчеству – от полного приятия до такого же абсолютного отвращения. Несомненно, ни Пелевин, ни Прилепин не оставляют читателей равнодушными, их творчество вызывает широкий резонанс не только в пределах России. Произведения этих литераторов провоцируют разговоры и дискуссии, остаются открытыми для различных интерпретаций и оценок.

³³ Героическая смерть приобретает для «союзников» самоценное значение (конкретные социальные проблемы отходят на второй план), смерть для них становится ритуальным приобщением к «телу родины» [Липовецкий 2012].

³⁴ «Союзники» не рассуждают – просто действуют. В их поведении намечается приоритет первобытных инстинктов и моторики над рассудительностью, наблюдается даже иррационализм, тесно связанный с «культом действия» ради действия [Липовецкий 2012].

Библиография

- Басинский П., 2011, *Не будите черных обезьян. О новом романе Захара Прилепина и спорах о нем* // Российская Газета, 27.06.2011, <http://www.rg.ru/printable/2011/06/27/kniga.html> [04.05.2014].
- Беляков С., 2006, *Заговор обреченных, или Захар Прилепин как зеркало несостоявшейся русской революции* // Новый Мир, № 10, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/10/be15-pr.html [21.05.2014].
- Берхин И., *Прогулки с Котовским или из мениппей снов не выкинешь*, <http://pelevin.nov.ru/stati/o-cotovskiy/1.html> [15.02.2014].
- Генис А., 1994, *Русский Борхес* // Новый Мир, № 12, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1994/12/genis.html [15.02.2014].
- Гетманский И., *Загадки и отгадки Виктора Пелевина*, <http://pelevin.nov.ru/stati/o-getm/1.html> [16.02.2014].
- Гликман К., 2011, *Новый, талантливый, но... Захар Прилепин* // Вопросы литературы, № 2, <http://magazines.russ.ru/voplit/2011/2/g17-pr.html> [28.06.2014].
- Гурин С., *Виктор Пелевин: личность или личина?*, http://www.eparhia-saratov.ru/pages/3728_viktor_pelevin_lichnost_ili_lichina [15.02.2014].
- Дитковская И., *Коды буддизма и массовой литературы в произведениях В. Пелевина 90-х гг.*, http://www.bdpu.org/scientific_published/akt_prob1_sl_filol-14/46.doc [17.09.2010].
- Зарубина Д., 2007, *Универсалии в романном творчестве В.О. Пелевина* // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Иваново, <http://w3.ivanovo.ac.ru/win1251/science/avtoreferat/zarubina.doc> [10.05.2009].
- Иванова Л., *Катарсис пустоты. В. Пелевин «Чапаяев и Пустота»*, <http://www.proza.ru/2009/03/26/31> [01.06.2014].
- Иванова Н., 2006, *Ultra-fiction, или Фантастические возможности русской словесности* // Знамя, № 11, <http://magazines.russ.ru/znamia/2006/11/iv1-pr.html> [26.09.2007].
- Иванова Н., 2007, *Ускользящая современность. Русская литература XX-XXI веков: от «внекомплектной» к постсоветской, а теперь и всемирной* // Вопросы литературы, № 3, <http://magazines.russ.ru/voplit/2007/3/iv7-pr.html> [10.05.2014].
- Ильин И., 2001, *Постмодернизм. Словарь терминов*, Москва: Интрада, <http://terme.ru/dictionary/179/word/%C4%CE%9%CD%CE%9+%CA%CE>, [29.09.2009].
- Корнев С., *Блюстители дихотомий. Кто и почему не любит у нас Пелевина*, <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn1/1.html> [15.02.2014].
- Корнев С., *Столкновение пустот: может ли постмодернизм быть русским и классическим? Об одной аванюре Виктора Пелевина*, <http://pelevin.nov.ru/stati/o-krn2/1.html> [15.02.2014].
- Костырко С., 2006, *По кругу* // Новый Мир, № 10, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2006/10/ko16-pr.html [21.05.2014].
- Латынина А., 2007, *«Вижу сплошное счастье...»* // Новый Мир, № 12, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/12/la11-pr.html [21.05.2014].
- Латынина А., 2011, *«Даже уж не знали за что похвалить...»*. К рассуждениям по поводу романа Захара Прилепина «Черная обезьяна» // Новый Мир, № 10, http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2011/10/la13-pr.html [04.02.2014].
- Липовецкий М., 2008, *Паралогии. Трансформации (пост)модернистского дискурса в русской культуре 1920–2000-х годов*, Москва: Новое литературное обозрение.
- Липовецкий М., 2012, *Политическая моторика Захара Прилепина* // Знамя, № 10, <http://magazines.russ.ru/znamia/2012/10/li12-pr.html> [09.02.2014].

- Лихина Н., 1997, *Актуальные проблемы современной русской литературы. Постмодернизм. Учебное пособие*, Калининград, Издательский дом: Калининградский государственный университет http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/lihina/02.php [01.06.2008].
- Макеева К., *Творчество Виктора Пелевина*, <http://pelevin.nov.ru/stati/o-mak/1.html> [01.07.2014].
- Маньковская Н., 2000, *Эстетика постмодернизма*, Санкт-Петербург, Алетейя, http://www.i-u.ru/biblio/archive/mankovskaja_estetika/07.aspx [10.08.2011].
- Нагорная Н., *История и сновидение в творчестве В. Пелевина*, <http://lik.altnet.ru/Kritika/nagor.htm> [07.09.2007].
- Некрасов С., 1999, «Мечты, мечты, где ваша сладость?» Проблема авторства в отсутствие автора // Библиография, № 3, 67–73.
- Немзер А., «Как бы тина по жизни». «Generation 'П'» как зеркало отечественного инфантилизма, <http://www.guelman.ru/slava/writers/nemzer.htm> [15.02.2014].
- Пелевин В., 2004, *Священная книга оборотня*, Москва: Эксмо.
- Пелевин В., 2011, *S.N.U.F.F.*, Москва: Эксмо, <http://www.litmir.net/br/?b=140212> [23.05.2014].
- Переслегина Е., 2011, *Женщина и кошка в рассказе В. Пелевина «Ника» (анализ ключевого концепта)* // Вестник Нижегородского университета, № 6 (2), 504–507, http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2011_6/113.pdf [04.12.2013].
- Прилепин З., 2006, *Санька*, Москва: Ad Marginem, http://loveread.ws/read_book.php?id=11951&p=24, http://loveread.ws/read_book.php?id=11951&p=41 [23.07.2014].
- Прохорова Т., 2013, *Формы проявления национальной идентичности в романе Захара Прилепина «Санька»* // Филология и Культура, № 2 (32), 196–199, http://philology-and-culture.kpfu.ru/?q=system/files/43_4.pdf [28.06.2014].
- Пустовая В., 2009, *Матрица бунта* // Континент, № 140, <http://magazines.russ.ru/continent/2009/140/pu23-pr.html> [07.01.2014].
- Сиротин С., 2012, *Виктор Пелевин: эволюция в постмодернизме* // Урал, № 3, <http://magazines.russ.ru/ural/2012/3/ss11-pr.html> [18.02.2014].
- Скоропанова И., 2002, *Русская постмодернистская литература. Учебное пособие для студентов филологических факультетов вузов*, Москва: Флинта: Наука.
- Скоропанова И., *Спецсеминар «Реализм, Модернизм, Постмодернизм в русской литературе XX века»*, <http://www.bsu.by/Cache/pdf/204993.pdf> [07.05.2014].
- Современная русская литература конца XX — начала XXI века*, ред. Тимина С., Москва: Издательский центр «Академия», 2011, http://www.academia-media.kz/ftp_share/_books/fragments/fragment_19150.pdf [30.05.2014].
- Supa W., 2011, *Термины «абсурд», «парадокс», «нонсенс» в контексте теории сатиры и гротеска* // Studia Wschodniosłowiańskie, t. 11, 99–126.
- Сухих О., 2008, «Очень своевременные книги» (О традициях Ф.М. Достоевского и М. Горького в романе Захара Прилепина «Санька») // Вестник Нижегородского университета, № 6, 290–296, http://www.unn.ru/pages/issues/vestnik/99999999_West_2008_6/50.pdf [07.05.2014].
- Сушилина И., 2001, *Современный литературный процесс в России. Учебное пособие*, Москва: Изд-во МГУП, <http://www.hi-edu.ru/x-books/xbook027/01/part-004.htm> [04.10.2006].
- Чупринин С., 1997, *Есть ли у «Знамени» будущее? Двенадцать мнений о перспективах русских литературных журналов* // Знамя, № 1.
- Шевченко Л., 2002, *Русская проза трех последних десятилетий (70–90 годы XX века). Пособие для студентов*, Kielce: Wydawnictwo Akademii Świętokrzyskiej.
- Эпштейн М., 2004, *Роман Арбитман, Сергей Боровиков, Михаил Эпштейн, Юрий Арабов, С. Витицкий (Борис Стругацкий), Виктор Пелевин. Академический выбор. Конференц-зал* // Знамя, № 5, <http://magazines.russ.ru/znamia/2004/5/konf10-pr.html> [13.02.2014].

Summary**BETWEEN POSTMODERNISM AND “NEW REALISM”:
LEITMOTIFS IN SELECTED LITERARY WORKS
OF VICTOR PELEVIN AND ZAKHAR PRILEPIN**

The aim of this article is to discuss literary strategies of two contemporary Russian writers: postmodernist Victor Pelevin and realist Zakhar Prilepin. These authors present different styles and generations, but there is some similarity between them, for example sensitivity to problems of contemporary Russia and Russians. Their heroes do not accept post-Soviet reality. Pelevin has created “the hero-refugee,” an individualist who does not want to participate in social life. He leaves Russia and goes to another dimension of human existence. Prilepin’s hero fights with the government. This writer has created a new character – a contemporary “revolutionist” (a rebel) who hates the consumer society. Two novels are analyzed in this paper: *Buddha’s Little Finger* (*Chapayev and Void*, 1996) by Pelevin and *Sankya* (2006) by Prilepin.